

Мария
Алексеевна
РОМАНОВА

Людмила
Семеновна
ФИЛИПОВА

ОБ ОДНОЙ МИКРО-СИСТЕМЕ РУССКИХ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГОВОРОВ ПО НИЖНЕМУ ИРТЫШУ.

Статья вторая: консонантизм

В данной статье дается синхроническое описание особенностей состава и системы согласных фонем говора села Уват Тюменской области в сравнении с литературным языком. При анализе диалектных контекстов учитывается совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов.

Источником исследования консонантизма данной микросистемы старожильческих говоров по нижнему Иртышу послужили диалектные контексты, собранные авторами во время продолжительных поездок по Уватскому району в течение 1959-1964 гг. Наблюдалась речь людей разных возрастов, наиболее детально изучалась речь лиц старшего возраста, носителей традиционного (архаического) слоя говоров.

Освоение русскими территории по нижнему Иртышу началось в начале XVII в. и продолжалось в XVIII в. Возникновение села Уват исторически было связано с учреждением в 1635-1637 гг. поселений русских ямщиков — Демьянского и Самаровского ямов, заселенных выходцами «из городов Соливычегодского, Чердыня и от Соликамской» [Фишер 1774: 83]. Около Демьянского яма вверх и вниз по Иртышу позднее появлялись многочисленные деревни и выселки [Лопарев 1896: 9]. Центром Уватской ямской волости становится село Уват, основанное как «ямщицкая деревня» «в середине 17 века» [Бронников 2000: 18]. К концу XVII-XVIII вв. Уват и прилегающие к нему деревни были заселены исключительно демьянскими и тобольскими ямщиками [ГАТОН, ф. 154, св. I, оп. 8, д. 4, лл. 240 и об.], генетически носителями говоров северо-востока европейской России. Лишь небольшая часть жителей Уватской волости (77 чел.) при-

надлежала к сословию государственных крестьян [ГАТЮТ, ф. 154, св. I, оп. 8, лл. 123, 181, 240 об.]. «Ямщики из-за Урала» жили не только извозом, одновременно они занимались и сельским хозяйством, в частности земледелием [Лопарев 1896: 29]. В 1850 г. *все население* данной волости «было переведено в разряд государственных крестьян» [Бронников 2000: 18]. По сведениям 1868-1869 гг. в Уватской волости находилось 55 селений. В ее составе значились Уватские (15 муж. и 22 жен.), Березовские (15 муж. и 17 жен.) и Туртасские (30 муж. и 17 жен.) остяцкие юрты [Зверовский 1871: 14, 15, 20], в которых вместе с хантами проживали и русские [Патканов 1891. Ч. I: 79]. К Уватской волости были приписаны также Есаульские и Укинские татарские юрты [Бронников 2000: 18].

Первоначальное население Уватской ямской волости с середины XVII в. вступило в постоянный экономический и культурный контакт с иртышскими (южными) хантами и тобольскими татарами. Последние «проживали ... чересполосно в низовьях Иртыша и на Демьянке с хантами» [Бронников 2000: 40]. Хозяйственные контакты русского населения с угорским и тюркским по нижнему Иртышу осуществлялись по многим линиям. Леса были распределены между юртами ясачных татар, поэтому русские, как правило, арендовали лес у татар. «Удобную землю» крестьяне Уватской волости также «арендовали у инородцев» [Бронников 2000: 21], «недостающие угодья» (покосы) они приобретали «у татар и остяков» [Там же: 25]. Татары Укинских юрт сдавали в аренду русским сор Куру-бурен, а сами «нанимались к ним в работники» [Патканов 1891. Ч. II: 564]. Многие рыболовные места были общей принадлежностью русских и остяков [Патканов 1891. Ч. II: 356-357, 359; Бронников 2000: 39]. Обычно ханты в свои артели принимали и русских [Патканов 1891. Ч. II: 299]. Крестьяне Уватской волости «при помощи самоловов и крючков» участвовали в «юровом промысле» у татар Карбинских и Есаульских юрт [Патканов 1891. Ч. II: 363], имели с ними смежные или совместные рыболовные места («юровые») [Там же: 365].

Тесные экономические отношения между русскими и хантами, а также татарами неизбежно приводили к бытовому сближению «и физиологическому смешению русских и инородцев» [Щапов 1937: 171]. Принятие в начале XVII в. иртышскими хантами и, частично, татарами христианства еще более способствовало этому. «Тобольские остяки, — пишет С. К. Патканов, — с каждым годом все более русеют, чему особенно благоприятствует соседство русских и перекрестные браки с крестьянами» [Патканов 1891. Ч. I: 43]. «Татары все более и более осваываясь с русской народностью, — замечает А. П. Щапов, — нередко принимали русский образ жизни и домообзаводительства» [Щапов 1937: 93]. Все это неизбежно создавало благоприятные условия для лингвоэтнической ассимиляции.

В результате тесного межязыкового контакта южные (иртышские) ханты через стадию двуязычия на протяжении нескольких поколений ста-

новились одноязычными — переходили на русский язык. По наблюдениям П. К. Животикова, «южные ханты удовлетворительно владеют русским языком. Для целого ряда селений русский язык является единственным средством общения, т. к. жители утратили свой родной язык» [Животиков 1942: 11]. С. К. Патканов подчеркивает, что в юртах по нижнему Иртышу «инородцы совершенно разучились говорить на родном языке и употребляют исключительно русский» [Патканов 1891. Ч. I: 43-44]. Постоянное общение с русскими (ямщиками и крестьянами) в связи с развитием экономических, торговых и других связей вынуждало и татар осваивать русский язык. При этом большая часть носителей тюркских диалектов становилась двуязычной и «через говоренье на русском языке» воздействовала на складывавшиеся микросистемы старожильческих говоров по нижнему Иртышу. «Северновеликорусская речь, — подчеркивает А. М. Селищев, — распространялась и распространяется в Сибири и в среде нерусской — среди этнических групп Сибири. Вместе с этим распространением происходило и изменение в русском языке — изменение в связи с иноязычной стихией» [Селищев 1968: 302-303]. В языковом отношении угорское и тюркское влияние в уватском говоре сказалось не только в словарных заимствованиях, но и в целом ряде субстратных явлений в области фонетики. Особенно большой интерес в этом плане представляет система согласных, поскольку она в наибольшей степени отражает характер длительных связей с системой консонантизма неродственных языков, в данном случае хантыйского и татарского.

1. СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

1.1. В говоре села Уват 34 согласные фонемы: губно-губные — п, п'; б, б'; м, м'; губно-зубные — в, в'; ф, ф'; переднеязычные — д, д'; т, т'; з, з'; с, с'; л, л'; н, н'; р, р'; ж, ш; ч; ц; среднеязычные — к'; г'; j; заднеязычные — к, г, х. С точки зрения артикуляционно-акустической согласные в описываемом говоре существенно не отличаются от согласных литературного языка и не нуждаются в специальных пояснениях. В отличие от нормированного языка [Русская грамматика 1980: 79], долгие мягкие шипящие как особые фонемы отсутствуют, им соответствуют сочетания двух коротких твердых фонем: шшУку, шшОтка, шшолкАт, пУшшэ, рОшша, пишшЫт, отпушшУ, помешшЭньнэ, угошшАт, вЫташшЫли, вЫполошшОш, муравИшшо, топорИшшОм; дожжА, дОжжык, дожжовИк, вижжЫт, дойэжжАт, пОжжэ, на дрожжАх, приИэжжых, перейэжжАт, вожжАми, завожжАть и т. д. Данная особенность отмечается в речи представителей всех возрастов.

В говоре села Уват, как и в литературном языке [Русская грамматика 1980: 79], выявляется парность двух твердых заднеязычных /к/, /г/ с мягкими фонемами /к'/, /г'/. Например: перед /о/ — толком — толкЁм, куском — изоткЁм, комком — пекЁм, носком — наскЁм, стОгом — сожгЁм, мИгом —

остригЁм, кругОм — зажгЁм, по Гошу — запрөгЁш и под.; перед /и/ [ы] — с кЫской «с кошкой» — кИской (белИть нАдо кИской); кысЫ (кысЫ нА ноги с сИверу привезлИ) — кИснёт; скЫрды (и шкЫрды) — сь Кирила; скЫркатца (мЫш ли чЁ ли пОт полом скЫркатца) — кИркой; кычИги — Кичеровы; по кычИгам (по кычИгам врЕмё узнавАли, по созвЕздеу-ту) — кисЛЯтина; закЫхать «закашлять» — закИснуть; не гЫкайте «не хохочите», кыргЫзоф — поГИБель. К. В. Горшкова указывает, что в русском языке «в связи с развитием парных отношений в кругу твердых-мягких согласных фонем вполне естественно, что заднеязычные твердые *к, г, х* и среднеязычные *к', г', х'* склонны развить отношения противопоставления» [Горшкова 1964: 20].

Употребление гласного *Ы* после заднеязычных /к/ и /г/ внутри слова в исследуемом говоре, вероятно, усвоено из хантыйского и татарского языков, где сочетания *КЫ, ГЫ* (с глубокозаднеязычными *к* и *г*) широко распространены [Терешкин 1961: 19; Тумашева 1952: 59, 63, 65]. В русской речи местного татарского населения согласные *К* и *Г* в сочетании с *Ы* также обычны: пакЫнули, башкЫры, пракЫсла, кыкЫмара, кыпитОк, кыргЫсы, пагЫнули, в гЫпсэ и под.

1.2. В соотносительный ряд по признаку звонкости-глухости в говоре села Уват входят 22 фонемы (в литературном языке — 24), объединенные в 11 пар: б — п, б' — п', в — ф, в' — ф', д — т, д' — т', з — с, з' — с', ж — ш, г — к, г' — к'. Имеются непарные глухие (ц, ч', х) и непарные звонкие (м, м', н, н', л, л', р, р', j). Парность согласных по данному признаку проявляется в сильных позициях — в положении перед гласными, сонорными согласными и перед фонемами /в/, /в'/: бАско — пАска, блАш — плАчёт, бЕлой — спЕлой, брЯкат — прЯли; вОто (вОто пинжАк-от) — фОто, владЕньня — флажОк, вЁдро — ФЁдора, влийАньнё — фьЛЮс; гумАга — кулАга, обожгЁт — напекЁт и т. д.

В архаическом слое говора в одном и том же слове (обычно в речи одного и того же лица) в сильных позициях могут произноситься звонкие и глухие согласные. Например: найдУ — найтУ, подАлА — потАлА, бидОн — битОн, по двенАтсать — по твенАтсать, однУ — отнУ, здЕсь — стЕсь; с тобОй — с топОй, брАта — пратовИА, полюБИ — полюпИ; заготОвили — саготОвили, знАт — не снАйу, розлАду — рослАду, рАзя — рАся «разве», возИли — восИли, розьминАт — росьминАт, зьвенО — сьвенО; тОжо — тОшо, до штАжу — до штАшу, мОжно — мОшно. В исследуемом говоре нередко наблюдается и обратное явление — на месте глухих согласных произносятся звонкие согласные: фсЁ-таки — фсЁ-даки, картОн-ка — кардОнка, очутИлса — очудИлса, так — дак (дАк уходИ), йЭтакой — йЭдакой; сапогИ — сабогИ, грЫпом — грЫбом «гриппом»; смАнили — змАнили, РаИса — РаИза, йЭсьли — йЭзьли; вертУшок — вертУжок; каленкОр — каленгОр, каленкОрову — каленгОрову, фИкус — фИгус, заклЮка — заклЮга. В говоре глухой согласный на месте звонкого в ряде

примеров мог появиться по аналогии с другими формами данного слова: гОспоти, лОток жолУток, лОшок, дЁкоть и под. Меню согласных /т/ — /д/ в слове *очудИлса* можно объяснить «народной этимологией» — аналогией со словом *чудо*.

Непозиционное оглушение звонких согласных (и произношение звонких на месте глухих) в исследуемом говоре — фонетического происхождения, оно развилось в Сибири и было вызвано иноязычным влиянием. Данная диалектная черта находится в прямом соответствии с особенностями фонетической системы местных угорских и тюркских диалектов. «Парных соответствий для звонких и глухих, — пишет В. К. Штейниц, — в хантыйском языке нет» [Штейниц 1937: 202]. «С акустической стороны, — замечает П. К. Животиков, — хантыйская речь характеризуется глухостью произношения» [Животиков 1942: 24]. Распространению непозиционной мены звонких и глухих согласных в уватском говоре способствовало также тюркское окружение. Основной особенностью диалекта западносибирских татар является «активное употребление глухих согласных звуков» [Ахатов 1963: 9]. Наблюдения показали, что местное татарское население в русской речи постоянно смешивает в фонетически не обусловленном положении звонкие и глухие согласные: тАли «дали», кутА, латОм, пасУта, склАтна, твайОм «вдвоем», картИлась «гордилась», букОр «бугор», сапалИт «заболит», сапУл «забыл», сакарЕла «загорела», кот «год» и под.

1.3. В соотносительный ряд согласных по признаку твердости-мягкости в говоре села Уват входит 28 сильных фонем, объединенных в 14 пар: б — б', п — п', в — в', ф — ф', м — м', т — т', д — д', с — с', з — з', л — л', н — н', р — р', к — к', г — г'. Шесть фонем по данному признаку (ж, ш, ц, ч', х, j) в изучаемом говоре являются внепарными. Парность согласных проявляется в следующих сильных позициях: 1) *на конце слова* — кОроп — не скорОп, сЛИф — фкРИфь, грОм — вОсемь, стОл — дЯтель, тУйэс — йЭсь, морОс — скрОсь (скрОсь продувАт), пригОн — огОнь и т. д.; 2) *перед гласными фонемами*: стрУба — гОлубя, запОн — опЁнком, завЫли — завИли, фОрсу (бОле фОрсу у йЭй) — шофЁр (и шОфёр), фЫркнула — на фИрму «на ферму», мАло — мЯлку, зАбереги — зЯбли, молокоМ — при-волокеМ, погОтки — жгёт и т. д.; 3) *для парных переднеязычных сильное положение перед заднеязычными и твердыми губными*: вАтки — Витьки, ф скАске — к Таське, долги — Ольгина, лУнки — тЕтиньки, мАрки — гОрьки (огурцЫ-то нОнче гОрьки без дожжА-та); отмаЙэлса — тьМА (тьМА кромЕшна), подбАвить — молодьБА, одборобАнил — усАдьбы, смОтано — письмО, столБА — пальба; 4) *для фонем /л/ — /л' / положение перед всеми согласными, кроме /j/*: полдень — льдИнка, бОлтик — польтИшко, толстУшша — сельсовЕт, ползУчэй — испОльзовала, волчЁнок — мальчИшко, волны — вОльной и под.

В архаическом слое говора села Уват отмечаются случаи ослабления 3-ей сильной позиции по твердости-мягкости. На месте мягких фонем /

з', /с', /д' и /р' перед твердыми губными могут произноситься твердые переднеязычные согласные: возмУ, возмУт (ср. розмОтано), проЗбу (ср. розбАфь), тесмОй (ср. насмОка), вЕдма (ср. подмАзалса), ф тюрмУ (ср. кормУшка). Следует, однако, подчеркнуть, что начавшийся процесс превращения сильной позиции в слабую в говоре под влиянием литературного языка постепенно прекращается.

1.4. В определенных позиционных условиях в говоре могут возникать *фонетически обусловленные варианты* согласных фонем (во взаимоисключающих позициях на месте непарных фонем).

1) Непарная фонема /х/ в большинстве положений в говоре звучит твердо: худЕт, хОбот, хАпат, хрАмлЕт, охОта, мух, у тЕх и т. д. Перед гласными /и/ и /е/ звук *Х* смягчается: хИтрой, крОхи, орЕхи, ко снохЕ, в Ухе и под. Так как твердый и мягкий *Х* не бывают в одинаковом положении, то мы должны признать твердый звук, выступающий в большинстве положений, основным видом фонемы, а [х'] — фонетически обусловленным вариантом.

2) В полноокающем уватском говоре соотношение фонемы /j/ и ее варианта *И* неслогового несколько иное, чем в литературном языке. Если в нормированном языке /j/ звучит только перед ударными гласными, а в остальных положениях ее заменяет вариант *И* неслогового, то в исследуемом говоре в речи лиц всех возрастов /j/ сохраняет свое звуковое качество перед всеми гласными (как ударными, так и безударными), а *И* неслоговое звучит только перед согласными и в конце слова. Например: с jИм, сjЭл, сjОжысья, jАр, журавjа, за сарjом, моjот, маjуся, ф стаjэ и под; пробОйной, вjКройку, хрушкОй, похлОпай и под.

В ряде позиций фонема /j/ в говоре в речи представителей старшего поколения представлена нулем звука: а) перед согласными (в результате полной регрессивной ассимиляции /j/ последующему *т*) — притьтИ, вьттьИ и под.; б) перед гласными после согласных *т', д', с', з', л', н', ч'* (в результате полной прогрессивной ассимиляции *j* предшествующему мягкому переднеязычному согласному) — плАттьЕ, угОдьдя, волОсься, бязью, зЕльлЕ, угошшЭньнЕ, нОчьчю и под. В данном говоре произношение удвоенных мягких согласных, вероятно, унаследовано «от северновеликорусских говоров европейской России» [Селищев 1968: 349] — от переселенцев из бб. Вологодской, Пермской и др. северо-восточных губерний, где явление ассимиляции в сочетаниях согласных с *j* было широко распространено [Андреева 1962: 61]. Случаи сохранения *j* в указанной позиции (уважЭнjэ, старАнjэ, жэлАнjэ, белjО, шАлjу) в исследуемом говоре являются новым явлением и, несомненно, объясняются влиянием литературного языка.

1.5. Кроме фонетически обусловленных вариантов, говору села Уват известны и *позиционно не обусловленные варианты согласных фонем*.

1) В тождественных условиях в говоре могут употребляться согласные /ф/ и /х/: на фургОнах — на хургОнах (тАм онЕ на хургОнах вОзят), грамофОна — грамохОна, оштрафовАли — оштраховАли, ВарфаламЕйэвна — у

ВархаламЕйэвны, манафактУры — манахактУры, арифмЕтика — по арих-мЕтике. Фонемы /ф/, /ф`/, как мы видели выше, усвоились данным говором, они произносятся не только в слабой позиции, как результат оглушения (верЕфкой, остАфь и под.), но и как самостоятельные фонемы — в словах иноязычного происхождения (фасОн, форс, фарфОрова, фОрточка, фальшьЫвой, патифОн, фигУрка и др.). Однако еще встречаются случаи, когда фонема /ф/ выступает в позиционно не обусловленном варианте /х/. По-видимому, в прошлом в говоре отсутствовала фонема /ф/, что обнаруживается и сейчас в архаическом слое данной микросистемы в наличии позиционно не обусловленных вариантов /ф/ и /х/. Случаи замены /ф/ акустически близким Х отмечены только в речи лиц старшего возраста. Появление других звуков на месте /ф/ вызвано, по-видимому, комбинаторными изменениями: куфАйкя и туфАйкя, куکشЫн, кУксея, сКУсно, с приИскусом.

2) В говоре в одном и том же фонетическом положении могут выступать согласные /х/ и /ф/: хулигАн — фулигАн, ис кУхни — ис кУфни, кухАрничат — куфАрничат, пихтОвник — пифТовник. Данные примеры с заменой /х/ на /ф/ можно рассматривать как гиперизмы, возникшие на путях усвоения самостоятельной фонемы /ф/. Гиперкорректное употребление /ф/ на месте /х/ наблюдается в других говорах Сибири [Юмсунова 2005: 73]. Случаи употребления /ф/ на месте /х/ в уватском говоре относятся к исчезающим диалектным явлениям, наблюдаются лишь в речи отдельных представителей старшего поколения.

3) В традиционном слое говора села Уват у аффрикат в совершенно тождественных положениях в речи одних и тех же лиц старшего возраста встречаются позиционно не обусловленные варианты: /ц/ — /с/ — цветкА — светкА, синИца — синИса, дрОфца — дрОфса, купЦЫ — купСЫ, конЕц — конЕс, кУрец — кУрес; /ч`/ — /ш`/ — ч`Исла — ш`Исла, кусОч`ик — кусОш`ик, вилич`Айут — вилиш`Ат, шмУточ`ки — шмУтош`ки. В ряде случаев отмечено переходного характера произношение с очень слабым затвором: револЮц`ыйа, больИц`ы, на конц`э, авАнец`, стуч`Ит, колЮч`ой, ключ`и. При объяснении случаев упрощения аффрикат учитываем, что среди ранних русских поселенцев были выходцы с северо-востока европейской России, где данное явление русским говорам было уже известно [Селищев 1968: 329]. Но так как изменение $ц > с$ и $ч` > ш`$ в пределах Уватской ямской волости было свойственно преимущественно речи тобольских ямщиков (в демьянских говорах данное явление не встречается), то нам кажется, что гораздо более оснований к тому, чтобы связать утрату затвора в аффрикатах в исследуемом говоре с иноязычным влиянием. На развитии указанного явления в речи ямщиков, приписанных к Тобольскому яму, сказалось воздействие двуязычного татарского населения. Известно, что в татарском языке согласный Ц произносится со слабой смычкой и с преобладанием спиранта. Точно так же почти без взрывного элемента шепелевато произносится и звук Ч [Ахунзянов 1957: 175]. Эта особенность родного

языка отражается и в русской речи местного татарского населения: сарАпат, галубИса, за старИсу, купИс «купец», ш`Астай, атмЫш`ку, клЮш` и под. Таким образом, общение «ямщиков из-за Урала» с тобольскими татарами через их «говоренье на русском языке» отразилось в уватском говоре в распространении позиционно не обусловленных вариантов /ц/ — /с/ и /ч'/ — /ш'/. Вероятно, в изучаемой микросистеме несколько ранее замена *ц* > *с* и *ч'* > *ш'* была более частым явлением, чем в настоящее время (случаи с вариантами *с* < *ц* и *ш'* < *ч'* представлены немногими примерами).

4) Изредка в речи отдельных лиц старшего возраста в тождественных условиях могут выступать шипящие и свистящие. Приводим все встретившееся в диалектных контекстах: йэжэмЕсешно — йэзэмЕсешно, жорновА — зорновА, шУбной — сУбной (сУбной лепЕнь), розобрАли — рожобрАли, назвАньнэ — нажвАньнэ, сОрок — шОрок, скамйИ — шкамйИ; фсэ — фшэ, носИли — ношИли, увезьлИ — увежьлИ. Позиционно не обусловленные варианты *жс* — *зс*, *шс* — *сс*, *зс* — *жс*, *сс* — *шс* являются твердыми, а варианты фонем /с'/ и /з'/ звуки *ш'* и *жс'* — мягкими.

П. Я. Черных полагает, что широкое распространение в русских старожильческих говорах Сибири мена шипящих и свистящих могла получить только «на почве воздействия ... коренных сибирских (неславянских) языков» [Черных 1953: 68]. А. М. Селищев подчеркивает, что «во многих ... русско-сибирских говорах передвижка в ряде согласных *шс* — *сс*, *жс* — *зс*, шепелявость ... в *с'*, *з'* появилась в Сибири при обстоятельствах, обусловленных иноязычной сибирской средою» [Селищев 1968: 338]. В уватском говоре наличие позиционно не обусловленных вариантов шипящих и свистящих, по-видимому, также представляет субстратное явление. В изучаемой микросистеме данную черту можно возводить к угорскому субстрату (хантыйскому). Известно, что диалектам «остяцкой группы» свойственна мена шипящих и свистящих (например, *кш* «нарост» (верх. Демьян., Березов.) — *кш* (Обдор.) и под.) [Селищев 1968: 338]. Эта черта родного диалекта отражается в речи обрусевших хантов по нижнему Иртышу. Они смешивают *шс* с *сс* и *жс* с *зс*, заменяя обычно шипящие свистящими: станЫ «штаны», молОтис, тОзэ, кАзный; вЫвоз`или (и вЫвоз`или), д`Еш`ет`, фш`а и под. Однако такое влияние (угорское) сказалось только в самый ранний период формирования звуковой системы изучаемого говора. Дальнейшие изменения в шипящих и свистящих приостановились. В настоящее время под влиянием литературного языка эта диалектная черта исчезает.

II. ПОЗИЦИОННЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

2.1. В исследуемом говоре наблюдаются *позиционные чередования* твердых согласных с мягкими в зависимости от твердости-мягкости последующего согласного.

1) Чередование твердых зубных с мягкими: пОзно — позьнЯ, рУской — по-рУськи; съИтра — ф съИтьре, вЁдрЫшко — вЕдъреной; розбОра — розьбирАт, смахнУт — съмелИ, канВА — по каньвЕ и т. д.

2) Чередование р/р': швЫрну — швЫрњи, гОрдой — горьдИсья, шОрску — шЭрьсйу, сОрно — сорьнЯк; горбАтой — згОрьбилася, вЕрбочка — на вЕрьбе, сорвала — сорвьИ, кормА — корьмИл и под. Как отмечает Р. И. Аванесов, «мягкость согласного [р] в сочетаниях с мягкими губными и зубными, которая была свойственна старому московскому произношению, не может уже считаться нормой для современного литературного языка» [Аванесов 1972: 121].

3) Чередование твердых губных с мягкими: Умнова — умньЯ, копнА — ф копьнЕ, пса — пьсИна, хлебнУ — хлебньИ; соврал — не совьрИ, замрУт — замьрЁт и под. В отличие от современного литературного языка [Русская грамматика 1980: 45], перед мягким заднеязычным к` твердые губные также смягчаются, это приводит к возникновению позиционных чередований п//п', м//м', ф//ф': тЯпка — тЯпки, на солОмку — ф солОмьке, дешОфка — по дешОфьке, лОфка (в жытътЕ-то она лОфка) — лОфьки. В ряде случаев отмечено колебание: синЯфки, шшЭпки, в бАпки, лАпки, но дЕфьки, лАфьки. Мягкое звучание губных согласных перед к` Р. И. Аванесов считает свойством старой московской орфоэпии [Аванесов 1972: 126].

2.2. В архаическом слое данной микросистемы, как и в других говорах Уватского района (демянских), наблюдается смягчение заднеязычных согласных под воздействием предшествующих мягких согласных в положении перед гласным непереднего ряда у, о, а. Например: стЕлькю, мАлинькю, скОлькё, нЕсколькё, долёкОнькё, мАлинькЁва, денькЁм, нЯнька, гОрькя рЕтькя, кЫсонька, лЁгонька; литОвочькю, молочкЁ, со старичькЁм, с рУчьками, дочькя; туфАйкю, кОйкю, гАйкю, стОйкю, настОйкёй, телогрЕйкя. Изредка в говоре встречается смягчение заднеязычных х и з: вврехЮ, СтЕрхЁва горА, кочергЁй, сверьгЯли, дЕрьгам. Явление прогрессивно-ассимилятивного смягчения к, з, х, отмеченное «в отдельных говорах Сибири» [Селищев 1968: 243; Черных 1953: 66], было вынесено первыми насельниками по нижнему Иртышу (ямщиками Демянского яма) с северо-востока европейской России. Данную диалектную черту («к`, з`, х` вместо к, з, х после j и мягких согласных») А. М. Селищев фиксирует «в южной части Вят. губ., в большей части Вологод. губ., в части Перм. губ.» [Селищев 1968: 319]. Рассматриваемое диалектное явление в настоящее время характерно лишь для речи лиц старшего возраста. В речи пожилых мужчин, выезжавших нередко из родного села, это явление не наблюдается. Однако и в речи пожилых женщин нами зафиксированы многочисленные случаи параллельного произношения мягких и твердых заднеязычных согласных: мАлинькёва — тОнинькова, гОрькова; помалЕнькю — большыньку, пОлниньку; редЕнькЁ — редЕнько; с кошэзькЁм — с кошэзькОм. Отмечено также: Дуську, кУхоньку, мелькОм, с карАлькой, валькОм, кудЕлька, малькА, вЫкройку,

сверху. Вероятно, такое колебание в произношении связано с влиянием литературного языка и тобольских говоров, не знающих ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных. Прогрессивно-ассимилятивное смягчение *к', г', х'* начинает исчезать. В современном слое уватского говора данная диалектная особенность полностью отсутствует.

2.3. В говоре села Уват в речи лиц всех возрастов в сочетании *с'т'* (исконном или из *з'д'*) на конце слова утрачивается *т'*, в связи с этим возникает позиционное чередование *т'* (или *д'*) с нулем звука: влАсти — влАсь, снАсти — снАсь, ко стАросте — стАрось, потрЕбности — потрЕбность, мОлодости — мОлодось, на повЕрхносте — повЕрхность и т. д. Отсутствие смычного элемента наблюдается и в конечном сочетании *ст*: холстЫ — холс, хвостОм — хвос, верстУ — вЁрс, под мостОм — мос, крестА — крес, шэстОм — шэс, пластОм — плас, листЫ — лис, за гармонИстом — гармонИс. Позиционное чередование *т* с нулем звука отмечается в речи представителей старшего поколения. Упрощение конечных сочетаний *с'т'*, *ст* характерно для многих севернорусских говоров [Селищев 1968: 351], является общей чертой всех говоров Сибири, «не исключая и акающих» [Там же: 265].

III. Особо следует выделить фонетические *позиционно прикрепленные чередования*, которые «связаны с данными позициями, но осуществляются в них не обязательно, знают исключения» [Касаткин 1999: 63].

3.1. В архаическом слое изучаемого говора для 8 согласных фонем, объединенных в четыре пары (*б — м, б' — м', ч' — ш, к — х*), характерна соотносительность согласных по способу образования:

1) Слабой позицией для фонем */б/ — /м/* и */б'/ — /м'/* является положение перед *М* и *М'*. В результате регрессивной ассимиляции исчезает противопоставленность */б/ — /м/, /б'/ — /м'/* и могут выступать только *М* и *М'*: обломИл — омбЫл, образУмилса — оммарАл, оболОчки — омозговАл, обробОтали — оммолотИли, обнадЁжыла — оммывАли, омморОзилса; объдирАли — омьметАм, обйэгОрили — омьмелЕло, обьлиниЛася — омьмЯкло, омьминЯлися (омьминЯлися кОльцами). О позиционной прикреплённости данного чередования свидетельствуют случаи сохранения сочетаний *бм* и *б'м'*: обмАтывали, обмахнУла, обмАска, обмотАлася, объмЕн, объмерзАйут и др. Ассимилятивное изменение *бм > мм* характерно для говоров севернорусского наречия [Селищев 1968: 349], широко известно сибирским говорам [Там же: 263].

2) Более широко по сравнению с литературным языком в говоре наблюдается изменение сочетания *чи* в *ин*. Противопоставленность фонем */ч'/* и */ш/* в положении перед *н* вследствие регрессивной диссимилиации по способу образования утрачивается — согласный *Ч'* изменяется в фрикативный *Ш*. Позиционное чередование *ч'//ш* отмечается в речи представителей всех возрастов. Например: песОчькю — песОшно (песОшно мЕсто), протОчину — протОшна (протОшна водА), табачЁк — табАшной, зачАть —

зашнѐт, стричАть — стрЕшны, привЫчкю — привЫшной и т. д. Под влиянием нормированного языка (чаще всего при наличии соотношения ч` — ч`н или в новых словах) /ч`/ перед *Н* начинает восстанавливаться: мучнОва, ночнОй, позвонОчник, срОчно, речнИк, вЕчной и др.

3) В архаическом слое говора противопоставленность фонем /к/ — /х/ в результате диссимиляции по способу образования перед согласным *Т* ослабляется, и может звучать только *Х*. Живым процессом чередование *к//х* является только в словах: нековО — хто, хтО-то, ково — нехтО, дѐкоть — дѐхтя, дѐхтеннЫ. В словах иноязычного происхождения наблюдается параллельное произношение: трАктора — трАхтора, на трактУ — на трахТУ, по дОктора — по дОхтора, к ОктЯпской — к ОхТЯпскому прАзьнику, продУктоф — продУхтоф, дектАры — дехтАры.

4) Не является уже живым процессом в говоре чередование *н//л`* в положении перед *Н`*. Вследствие диссимиляции по способу образования первый носовой в сочетании *НН* в ряде словоформ заменяется плавным *Л`*: бАсен — бАсельница, пЕсен — пЕсельница, кУхоньку — кУхольна. Ср. оддЕльна посУда. Среди лексикализованных фактов в говоре можно отметить *мл`* (в соответствии с общерусским *мн*): пОмлю, не спумлевАйся.

3.2. Соотносительными одновременно по месту и по способу образования в говоре села Уват являются фонемы /б/ — /в/ и /в/ — /м/.

1) Для пары фонем /б/ — /в/ слабым является положение перед согласным *В*. В сочетании *ВВ* происходит полная регрессивная ассимиляция, в результате чего фонема /б/ (звук губно-губной взрывной) меняет свое место и способ образования и превращается в слабую фонему /в/ (звук губно-зубной фрикативный). Позиционно прикрепленное чередование *б//в* в речи лиц всех возрастов обычно наблюдается на стыке приставки *об-* и корней, начинающихся с *В*: обзавелИся — овалИлися, овалАл; обрОс — оварИлса (овварИлса кипеткОм); обнадѐжьла — оворожЫла; обдирАли — оввелИ (оввелИ окрУк налОйу), оввѐргыват; облИпнут — оввИслои, оввИть, оввяжут, оввенчАли; облИли — оввЕшали, оввинИли и т. д. Сочетание *ВВ* может и сохраняться: обвЕтрело, обвЫкли, обворовАли, обвЕсили. А. М. Селищев отмечает, что изменение *бв > вв* «представлено всеми северновеликорусскими говорами» [Селищев 1968: 349], наблюдается «в разных говорах Сибири на западе и на востоке» [Там же: 263].

2) В положении перед *Н* может устраняться противопоставленность /в/ и /м/ (в этой позиции употребляются только *м, м`*): з дАвен поР — дамНО, дамнОшно, нЕрвоф — занЕрмничала, голОвушка — голомнОй (голомнОй бОли), деревЕнской — в дерЕмне; ремновАла, ремнУйте, мнУчки, мнучАт. По наблюдениям А. М. Селищева, данное явление «представлено в северновеликорусских говорах» [Селищев 1968: 350]. В уватском говоре такое произношение наблюдается лишь в речи лиц старшего возраста и не является устойчивым. В диалектных контекстах встретилось немало слов, где *В* перед *Н* сохраняется: плАвно, внИкнут, малокрОвной, спрАвно (жывУт спрАвно), внушАт, основнОй, слАвной и др.

ВЫВОДЫ

1. Консонантизм данной микросистемы русских старожильческих говоров по нижнему Иртышу отличается от консонантизма литературного языка целым рядом существенных черт: 1) В говоре 34 согласные фонемы (в литературном языке 37). Согласные *X* и *X'* не являются парными фонемами, а долгие мягкие шипящие как особые фонемы отсутствуют; 2) в соотносительный ряд согласных по признаку твердости-мягкости в говоре входит 28 парных фонем (в литературном языке — 30), имеется шесть непарных фонем по данному признаку (в нормированном языке непарных фонем 7); 3) фонема /j/ звучит не только перед ударяемыми гласными, но и безударными, а *И* неслоговое употребляется лишь перед согласными и в конце слова; 4) говору свойственны фонетические позиционно прикрепленные чередования согласных: б//м, б`//м`, ч`//ш, к//х (соотносительных по способу образования), б//в, в//м (соотносительных по месту и способу образования); 5) у 10 согласных фонем (ф, х, ц, ч`, ж, ш, с, с`, з, з`) имеются позиционно не обусловленные варианты.

2. Развитие консонантизма говора села Уват идет в сторону сближения с литературным языком. В архаическом слое довольно быстро устраняются позиционно не обусловленные варианты аффрикат, шипящих и свистящих, согласных фонем /ф/ и /х/. Сокращают сферу своего употребления такие диалектные явления, как позиционно прикрепленные чередования б//м, б`//м`, смягчение заднеязычных согласных под воздействием предшествующих мягких согласных. Особенно быстро исчезают диалектные явления с менее широким охватом словарного материала, например, позиционно прикрепленные чередования к//х, в//м и н//л`.

Более устойчивы в архаическом слое говора чередования б//в, ч`//ш, мягкое произношение зубных согласных перед альвеолярным *p`*, позиционное чередование *p//p`* перед мягкими зубными и губными согласными. Как в архаическом слое, так и в современном особенно продуктивны такие явления, как твердое произношение долгих шипящих, позиционное чередование *T`* с нулем звука (власти — влась и под.), сохранение фонемой /j/ своего звукового качества перед безударными гласными.

Ряд специфических черт изучаемой микросистемы старожильческих говоров по нижнему Иртышу (например, ассимиляция /j/ предшествующим мягким переднеязычным согласным, прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных, упрощение *ст* (*c`t`*) на конце слова, изменение сочетаний *бм* > *мм*, *бв* > *вв*, *вн* > *мн* и др.) был принесен первыми русскими поселенцами с северо-востока европейской России. Вместе с тем не надо забывать, что консонантизм исследуемого говора сложился в непосредственном соседстве с угорскими и тюркскими диалектами. Результатом различных языковых влияний (угорского и тюркского субстрата, двуязычия татарского населения) в уватском говоре можно считать такие

диалектные особенности, как возникновение позиционно не обусловленных вариантов согласных по звонкости-глухости, смешение шипящих и свистящих, утрата взрывного элемента в аффрикатах /ц/ и /ч'/, усвоение сочетаний *КЫ* и *ГЫ* в основе слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Изд. 5-е. М.: Просвещение, 1972.
2. Андреева Л. К. Новые сочетания согласных с *j* в восточнославянских языках // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М.: АН СССР, 1962.
3. Ахатов Г. Ф. Диалекты западносибирских татар. Уфа, 1963.
4. Ахунзянов Э. М. Фонетическое освоение русских слов, заимствованных в татарском языке // Изв. Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2. Казань, 1957.
5. Бронников В. И. История земли Уватской. Уват, 2000.
6. Горшкова К. В. Основные тенденции развития фонетической системы русского литературного языка // РЯШ. 1964. № 5.
7. Животиков П. К. Очерк грамматики хантыйского языка (среднеобский диалект). Ханты-Мансийск, 1942.
8. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука-Школа «ЯРК», 1999.
9. Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. СПб., 1896.
10. Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. I-II: материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. X, XII. СПб., 1891.
11. Русская грамматика Т. I. М.: Наука, 1980.
12. Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. I // Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968.
13. Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. I. Ваховский диалект. М.; Л.: АН СССР, 1961.
14. Тобольская губерния. Списки населенных мест по сведениям 1868-1869 гг. / под ред. В. Зверовского. СПб., 1871.
15. Тумашева Д. Г. Татарские диалекты Западной Сибири: дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.
16. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
17. Черных П. Я. Сибирские говоры. Иркутск, 1953.
18. Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Л., 1937.
19. Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Собр. соч. Дополнительный том. Иркутск, 1937.
20. Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.